63.3(2-2 Кириши)
А61

Автор-составитель
В.Ф. Амбражевич

Выпускник филологического факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета (1954). Работал в республиканской и областной печати.

В 1974–1989 годах – редактор газеты «Киришский факел». Награжден медалью За доблестный труд в Великую Отечественную войну 1941–1945 годов, орденом Трудового Красного знамени.

В творческом соавторстве с журналистами «Ленинградской правды» готовил к изданию книгу «Здравствуй, город Кириши!» (1977). Принимал участие в подготовке «Книги памяти» Ленинградской области, отдельно издал «Книгу памяти» Киришского района.

Автор краеведческой книги «Земля моя, Приволховье» (1998). Является редактором-составителем книги «Поколение окрыленных» о первостроителях г. Кириши и Киришского нефтеперерабатывающего завода.

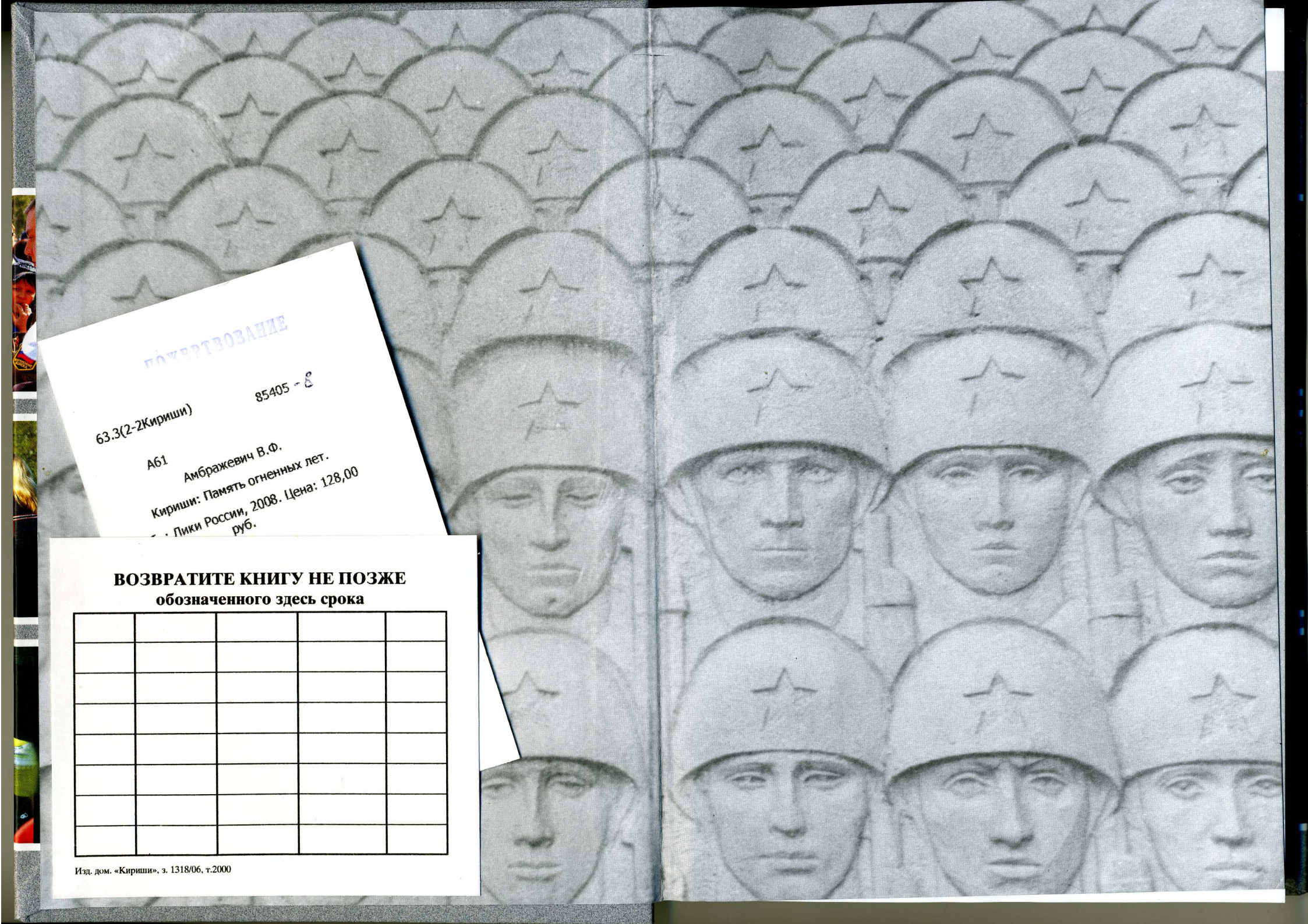
Кириши: память огненных лет

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КИРИШСКОГО РАЙОНА В 1941–1945 ГОДАХ

ПОЖЕРТВОВАНИЕ

63.3(2-2Кириши) 85405 - 8

А61 Амбражевич В.Ф.

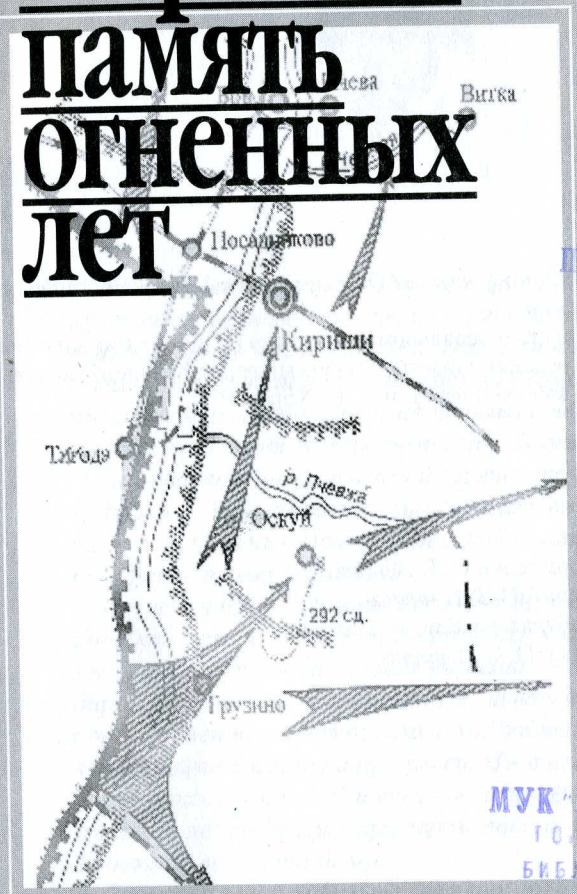
Кириши: Память огненных лет. Лики России, 2008. Цена: 128,00 руб.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Изд. дом. «Кириши», з. 1318/06, т.2000

63.3(2-2 Кириши)
А61

Кириши: память огненных лет

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КИРИШСКОГО РАЙОНА В 1941–1943 ГОДАХ

85405-8
ПОЖЕРТВОВАНИЕ
МУК К
ГОС Р К
БИБЛИО КА
КИРИШСКАЯ
ЦБ
63

В. Ф. Амбражевич. Кириши: Память огненных лет. — СПб.: «Лики России», 2008. — 160 с.

Издание подготовлено по заказу ЗАО «Киришское ПМК-19», генеральный директор А. В. Воскобович.

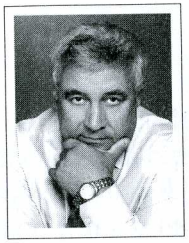
Отдельная благодарность генеральному директору ООО «Любимый город Кириши» А. П. Петровой, редакции газеты «Любимый город Кириши», начальнику отдела компьютерного набора и верстки Л. Н. Хоревой.

Редактор: Е. В. Торопова
Художественное оформление О. Г. Левина
Обработка иллюстраций Н.В. Циплева
Корректор: Р. Н. Ишбулатова-Елизаветинская
Компьютерная верстка: О. С. Закорко

ISBN 978-5-87417-285-5

© Лики России, 2008
© Амбражевич В. Ф., текст, составление, 2008

Слово к читателю

Уважаемый читатель! Перевернув последнюю страницу этой книги, наверное, ты невольно задашься вопросом: неужели столь масштабные и ожесточенные боевые действия происходили на этом небольшом кусочке земли, где уместился наш район и где на пепелище небольшого рабочего поселка вырос прекрасный город Кириши?

Да, это так. Здесь, в «самой горячей точке» Волховского фронта, тоже решалась судьба осажденного врагом Ленинграда, ковалась Победа в Великой Отечественной войне с фашистской Германией.

Отмечая 65-ю годовщину освобождения Киришей и киришской земли от немецко-фашистских захватчиков, мы – послевоенное поколение киришан – безмерно благодарны вам, ветеранам той войны, за ваш великий ратный подвиг. Именно вы определили исход войны, повернули «колесо истории» к миру и прогрессу. Мы в неоплатном долгу перед вами. Вы для нас и всех последующих поколений остаетесь немеркнущим примером патриотизма, нравственности, верности долгу.

Здоровья вам и побольше светлых дней в жизни.

А. В. ВОСКОБОВИЧ,

глава Киришского муниципального района и Киришского городского поселения

Страницы подлинного героизма

В истории Ленинградской битвы (1941–1944) бои под Киришами являются одной из малоизученных героических страниц. Здесь воины Ленинградского и Волховского фронтов остановили, а затем и разгромили противника, упорно рвавшегося с берегов Волхова на север и на восток страны.

Киришский плацдарм гитлеровцев в течение двух лет, с конца 1941 по октябрь 1943 года, был местом упорных боев, в которых наши воины перемалывали отборные гитлеровские полки и дивизии. Находясь сначала на стыке Волховского и Ленинградского фронтов, а затем – в центре Волховского фронта, этот участок имел важнейшее значение в системе нашей обороны этих фронтов.

О боях под Киришами, к сожалению, пока нет ни военно-исторической, ни мемуарной литературы. Предлагаемый сборник воспоминаний ветеранов этих боев будет первой книгой.

Потребовалось немало сил, чтобы найти участников тех боев, собрать и обработать воспоминания, которые ценны тем, что их написали и те, кто организовывал бои за Кириши и руководил ими, и те, кто принимал в них непосредственное участие в качестве рядовых, сержантов, офицеров.

Достоинством сборника является то, что в качестве авторов в нем представлены специалисты почти всех родов войск – стрелковых частей, танкисты, артиллеристы, саперы, летчики, разведчики, снайперы, кавалеристы, ремонтники боевой техники и т. д. Их материалы отличает глубокий профессионализм, детализация боевой работы и фронтового быта. Это особенно важно для воссоздания суровой, порой трагической обстановки того времени, показа высоких морально-боевых качеств наших воинов, для воспитания современной молодежи. Следует отметить также простой, доступный и в то же время выразительный язык большинства воспоминаний. Некоторые слова и выражения сегодня, спустя более 60 лет, минувших

после описываемых событий, звучат, возможно, «несовременно», но они помогают ощутить колорит того времени.

Несомненную ценность представляют воспоминания, которые рассказывают об особенностях боев под Киришами, – действия штурмовых групп, подкоп и подземный взрыв опорного пункта врага в феврале 1943 года, бои по удержанию плацдарма южнее Киришей (Лезно – Зеленец – Тигода), а также о первых встречах с врагом в самом начале войны, когда неопытные и необстрелянные воины мужественно и стойко защищали нашу землю от превосходящих сил врага.

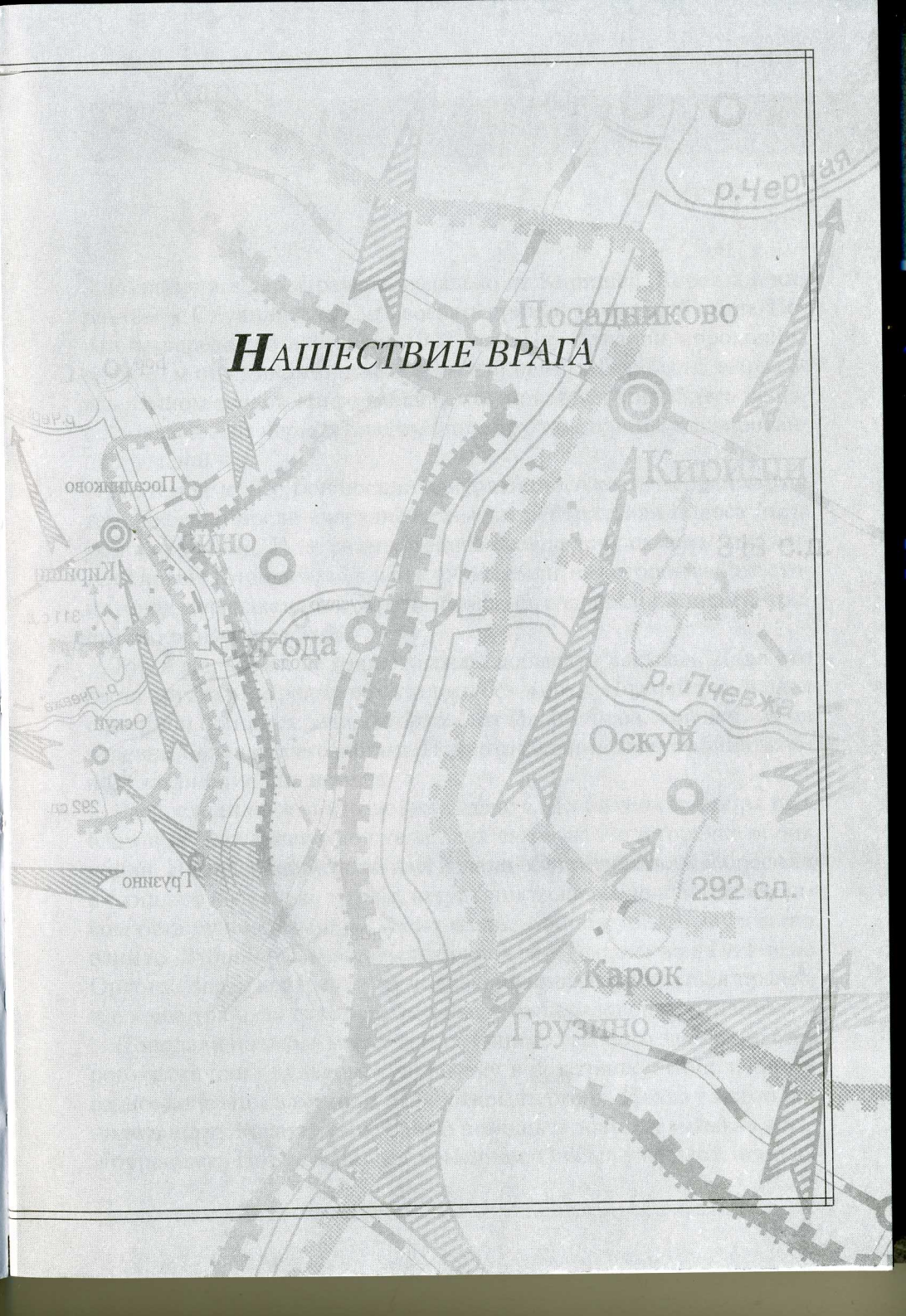
В борьбе против Киришского оборонительного района врага очень «горячим» местом было и Погостье. Это название станции на железной дороге Кириши – Мга, как и Кириши, часто упоминается в дневнике начальника штаба сухопутных войск гитлеровской Германии генерал-полковника Ф. Гальдера. Кроме того, есть интересные свидетельства героизма воинов Волховского фронта, в том числе и под Киришами, немецкого военного журналиста Г. Хейзига.

Сборник воспоминаний ветеранов воссоздает подлинную картину боевых действий в Киришском районе в 1941–1943 годах. Несомненно, этот сборник пополнит летопись битвы за Ленинград новыми интересными данными.

О. В. ЗАЙЦЕВ,

кандидат исторических наук,
доцент, полковник

НАШЕСТВИЕ ВРАГА

На своей земле

Родился я в дер. Драчево, недалеко от Киришей. Коренной киришанин. Случилось так, что воевать пришлось на своей земле. Попал на передовую в феврале 1942 года. Наша траншея проходила в 60–70 м от химкомбината, где засели немцы. Бои были, выражаясь языком сводок Информбюро, местного значения. Здесь не наносилось в этот период ни с той, ни с другой стороны массированных ударов.

Но тем не менее, бои носили изнуряющий, ожесточенный характер. Нередко после очередной схватки нейтральная полоса была усеяна трупами. И не ради красного словца хочу сказать вам, жители новых Киришей: каждый клочок земли, на которой сейчас стоит город, перепахан многократно бомбами, снарядами, минами, пропитан кровью людской.

Тогда же, зимой, я ходил дважды добывать «языка». Дело это было трудным и редко обходилось без жертв. Первый раз пошел с группой бойцов, среди которых был Иван Орлов, мой земляк из деревни Белая нашего района. Напротив здания химкомбината обнаружили блиндаж немцев.

Распределили, кто что должен делать. До блиндажа добрались благополучно, бесшумно сняли двух часовых. Но в горячке обоих убили. Немцы обнаружили нас, начали обстреливать. Мы бросили в блиндаж несколько гранат, оттуда никто не вышел. Мы с земляком остались целыми, но двоих наших бойцов убило, двух легко ранило. Второй раз комроты направил за «языком» меня и Ивана Орлова. Через нейтральную полосу решили перебираться правее, где наша траншея отходила подальше от передовой противника.

Поползли ночью, в маскхалатах. Одного часового закололи, второго я оглушил кулаком, сунули ему в рот тряпку. Поползли обратно, но немцы заметили нас и открыли огонь. Ивана тяжело ранило в ногу. Я оказал ему первую помощь и поволок «языка» в нашу траншею. Потом вернулся за Иваном. Он был уже плох, истекал

кровью. Я вытащил его в наше расположение, передал санитарам. У них на руках он скончался. Жена увезла тело погибшего мужа в деревню Белая и там похоронила.

Память сохранила несколько значительных операций. 1 мая 1942 года наши войска начали наступление со стороны деревни Мыслово (теперь здесь территория Киришской ГРЭС) вдоль Волхова. Наши десантники на танках прорвались до самого химкомбината и лесозавода, разбили несколько дзотов врага. Помню наше неудачное наступление. Двадцать тяжелых танков пошли на химкомбинат, но застряли в болоте. Четыре машины были подбиты, их вытащили потом с поля боя.

Самое большое наше наступление было в июле 1942 года. Ему предшествовала сильная многочасовая артподготовка. Наши части пошли в атаку сразу с трех сторон. Немцы понесли большие потери и были отброшены к р. Волхов. Но мы не сумели удержаться: получив подкрепление, под прикрытием большого количества самолетов немцы перешли в контрнаступление и вернулись на прежние позиции.

Тогда же, летом, противник предпринял попытку прорвать нашу оборону. Со стороны химкомбината вскоре после нашей атаки вдруг в полный рост показались солдаты противника, поливая наши окопы огнем из автоматов. Хотя мы перед этим понесли потери, однако не дрогнули. Подпустив немцев на близкое расстояние, открыли ответный огонь. Гитлеровцы залегли, потом поползли к своим траншеям. Половина их осталась лежать на полосе земли перед нами. Почти сразу же по нашим окопам начался сильный обстрел из орудий и минометов. Немцы пошли в атаку, но были отбиты.

Нелегко далась победа. В боях за Кириши погибло много советских воинов, в их числе пали смертью храбрых наш командир роты лейтенант Иван Шапиро, мой земляк Иван Орлов.

И. С. ДОМНИЧЕВ,

в 1942 году – разведчик 1082-го полка 310-й стрелковой дивизии

Крещен под Погостьем

В сентябре 1941 года на подходе к передовой линии фронта 27-я кавдивизия подверглась жестокой бомбежке вражеской авиации, понесла значительные потери в людях, лишившись почти полностью и конского состава.

Свой первый бой молодой боец С. Ф. Сивицкий принял под Погостьем. Вскоре после описанного им боя, 13 сентября 1941 года, дивизия выбила немцев из Погостья. Потом станция снова была захвачена врагом и вновь освобождена совместными усилиями 27-й кавдивизии и 311-й стрелковой дивизии уже в октябре. После этого кавалеристы воевали под Будогощью, Тихвином, Липной Горкой, освобождали многие населенные пункты Киришского района.

Маленькая станция в подступившем близко к ней лесу. Если ехать к ней из Оломны по плохой проселочной дороге, сплошь на торфяниках, деревянный поселок из трех-четырех десятков домиков появляется неожиданно за поворотом.

Кругом лес. К западу стройные сосны и темные ели постепенно сменяются мелким осинником, ольхой. Еще дальше, в сторону разъезда Жарок, тянется большое торфяное болото Соколий Мох. За поселком по опушкам леса извивается проселок в ближнюю деревню Виняголово.

Вдоль полотна железной дороги – длинные штабеля заготовленных к отправке дров. На станции и в поселке ни души. Неведомое, страшное с грохочущим гулом подходило все ближе, и жители поселка совсем недавно покинули свои дома и ушли на восток.

Таким впервые представилось нам Погостье ранним сентябрьским утром 1941 года.

Наш полк был выдвинут сюда ночью из района Оломны, чтобы занять оборону и не допустить прорыва немцев по дороге через Погостье на Гороховец и дальше – на пути, идущие к Волховской ГЭС. Так объяснил нам командир взвода. Мы еще не видели врага. Неделю назад нас ночью выгрузили из эшелонов. Передвигались тоже

по ночам лесными дорогами. Теперь мы приступаем к оборудованию рубежа, прислушиваясь к глухому гулу разрывов, которые слышатся где-то впереди нас.

Я смотрю на своих товарищей. О чем думают и что чувствуют они? Что чувствую я сам? И как точнее передать состояние солдата, которому впервые предстоит вступить в бой? Страх перед тем неизбежным и жестоким, что скоро начнется, обрушится на него? Наверное, у каждого по-своему. Внешне, на людях, волнения не видно. У каждого есть самолюбие, и никто не хочет казаться хуже других. Да и некогда раздумывать. Война – это тоже работа. Я и мои товарищи ломами вырываем из шпал костыли, кирками и лопатами подкапываем шпалы, вытаскиваем их и в насыпи оборудуем окопы. Хотя сентябрьское солнце греет не сильно, гимнастерки у многих взмокли от пота.

Разговоров, а тем более шуток почти не слышно. Бойцы и командиры – собранны и молчаливы. Иногда по команде «воздух», подаваемой расставленными наблюдателями, люди бросаются на землю, сливаются с желтеющей травой. Над нами, как бы высматривая добычу, не спеша проплывают самолеты. Иногда удается различить черные кресты на крыльях.

* * *

Скупое сентябрьское солнце временами скрывается в облаках. Мы сидим в свежеоборудованном окопе, с боков укрепленном шпалами, утрамбованном дерном, замаскированном под фон зарастающей травой насыпи.

Наш пулеметный взвод приписан подразделению капитана Попова. Наводчик пулемета ефрейтор Круглов и я, его помощник, не спеша выравниваем патроны в набитых лентах. Круглов – рыжеватый плотный крепыш. Ему под сорок. Движения его неторопливы, расчетливы. Медленно передвигая ленту, он рассказывает своим низким, спокойным голосом, как крестьянствовал на тверской земле.

– Опять сатана летит, – сказал я, услышав гул самолета.

– Не зря все тут крутится. Не сегодня-завтра пожалуют сюда.

Из-за насыпи к нам быстро подходит лейтенант Грибанов, наш командир взвода. Небольшого роста, быстрый в движениях, он мо-

лодецки прыгнул в окоп, присел, снял каску, начал грязным платком вытирать со лба пот.

– Вот что, Круглов, – сказал лейтенант, – ты теперь будешь за командира отделения. Силантьева у нас забрали в штаб полка. Ясно?

– Ясно, – нехотя ответил Круглов.

– Окоп кончили оборудовать? – Грибанов огляделся. – Ниши для запасных коробок углубить. Сектор обстрела расчистить получше. – Он присел ниже и посмотрел с высоты бруствера. – В направлении дома с колодцем вам будет мешать вести огонь вон тот куст. Срубите его. Ориентиры помните? Ну, повтори, – обратился он ко мне. Я повторил.

– А карточку составили? Нет? Составьте. – Грибанов открыл новенькую полевую сумку, достал оттуда большой блокнот и, оторвав несколько листов, подал Круглову. – Ну, все. Оставайтесь, да будьте наготове. Помните, справа от вас окапываются бойцы взвода Ледуховского, а левее – Кунгурова. Ваш пулемет – на их стыке.

Грибанов поднялся, отряхнул песок, хотел идти.

– Товарищ лейтенант, далеко немцы? – спросил я.

– Точно и сам не знаю. Вон там, – лейтенант показал рукой вперед и вправо, – километров шесть отсюда станция Малукса, она занята противником. Вправо – Кириши, там тоже немцы. Ближе Киришей, – слышите громыхает? – это Посадников Остров. Там, говорят, наши окружили их. А перед нами пока – никого. Разведка пошла вперед, на Виняголово.

Грибанов ушел. Круглов посмотрел ему вслед.

– Ну и настырный же парень! – сказал он. – Карточку ему составь. А на черта она? Недавно из училища. Вот и жмет, как их там обучали.

Подошли Кузнецов и Мокроусов, бойцы из нашего отделения. Они оборудовали наблюдательный пункт командира. Положив лопату, Мокроусов, потягиваясь, прилег на землю, устало разгибая руки. Был он невысокий, со спокойным лицом, серыми глазами, всегда дружелюбно смотревшими на товарища. Немногословный, но сноровистый на занятиях и в любой работе.

Вечерело. Очертания леса постепенно сливались в одну темную массу, силуэты дальних домов поселка скрывались в негустом тумане. Круглов с Мокроусовым, захватив котелки, отправились

к подвезенной ближе кухне и вскоре принесли пшенную кашу и чай. Все принялись за ужин. Кузнецов, самый молодой среди нас, перед войной едва успел пройти допризывное обучение. Доев кашу, Мокроусов налил в крышку котелка чай, захрустел кусочком сахара.

– Схожу к соседям, – сказал, поднимаясь, Круглов. – Ты, – он тронул меня за плечо, – первым заступишь дежурить у пулемета. Тебя сменит Кузнецов. Он шагнул с насыпи. Но навстречу ему из темноты подходила большая группа людей, и Круглов остановился. Мы увидели, как его правая рука поднялась к каске.

– Товарищ капитан, командир пулеметного расчета...

Мы узнали капитана Попова, которому был приписан наш пулеметный взвод. Этот подтянутый, крепко сбитый командир в каске и ремнях снаряжения, ловко охватывавших его фигуру, поспевал повсюду, уточняя место, где установить ручные и станковые пулеметы, где открыть для них запасные позиции, как расположить отделения и взводы.

– Ну, как, пулеметчики, не дрейфите? – спросил капитан.

В этом шутливо заданном вопросе чувствовалось желание узнать, что сейчас на душе у нас, людей, поставленных лицом к лицу с врагом, который вот-вот может появиться перед нами.

– Вроде готовы, товарищ капитан. Сунутся, встретим как надо, – ответил Круглов. С минуту все помолчали, прислушиваясь к недалеким разрывам. Внезапно впереди над лесом ярким пламенем озарилось ночное небо, затем пламя быстро погасло, оставив тускнеющую красную полосу.

– Посадников Остров горит? – вопросительно произнес кто-то.

– Да, там. Наверное, склад какой-нибудь.

И капитан Попов, а за ним и сопровождающие его командиры исчезли в темноте.

Надвинулась тихая, тревожная ночь.

* * *

Началось внезапно, в полдень. Мы протирали ветошью пулемет, подправляли кое-где осыпавшиеся стены окопа. Я и Мокроусов срубили несколько кустов впереди, мешавших обстрелу. Пообедали, поругивая повара за жидкий суп.

Что-то прошумело над нами, и четыре взрыва сзади, метрах в двухстах, гулко отразило лесное эхо. Мысль еще не успела сработать, как снова шум и несколько разрывов – уже ближе к нам.

– Его батарея, – крикнул Карев и, согнувшись, бросился к своим окопам.

Но била не одна батарея. В какие-то секунды мы поняли это, хотя каждый из нас впервые в жизни был под огнем артиллерии. Невольно пригнувшись в окопе, мы слышали выстрелы орудий где-то в направлении станции Малуксы. Они следовали теперь беглыми очередями, начало которых мы только успевали улавливать, а дальше – грохот разрывов, свист осколков и шум падающих веток.

Снаряды рвутся сзади, впереди нас. Взрыв – и черный столб земли взметнулся в нескольких метрах. Земля, песок, запах гари стеганули сверху окопа. Прижавшись к его дну, мы каждое мгновение ждем конца, он кажется неизбежным. Мыслей нет, одно страшное напряжение. Кажется, воля, разум оцепенели, парализованы. Но нет. Втянув голову в плечи, Круглов слегка приподнимается, правой рукой подает дважды рукоятку пулемета вперед, левой рукой продергивает ленту. Машинально подтягиваюсь к пулемету и я, выглядываю из окопа.

85405 - 8

По поселку движутся солдаты в касках и в чужих серых мундирах. По временам они скрываются за домами и сараями, затем небольшими группами перебегают все ближе к окраине поселка, обращенной к нам.

– Вон они!

Теперь между разрывами, все разгораясь, слышна частая дробь пулеметов, перестук карабинов.

Оторвавшись от дна окопа, ко мне рывком подползает Мокроусов.

– Бей, Василий, чего ты! – кричит он хрипло.

Но Круглов не спешит. Припав к пулемету и крепко сжимая рукоятки, он медленно поворачивает ствол то вправо, то влево, но не нажимает на спуск.

– Смотри, смотри, – говорю я ему. – От длинного сарая, что в полукилометре от нас, по проулку плотной толпой двигается группа немцев. Видно, что они волокут что-то тяжелое – миномет или орудие.

Круглов потрогал прицел, поправил на голове каску, сползшую вперед. На секунду-две замер, прицеливаясь. Длинная очередь была незаметной в грохоте разрывов и частой пулеметной стрельбы, которая шла теперь по всему фронту нашей обороны. Поддерживая движущуюся ленту, наблюдаю, как вмиг распалась группа противника. Кто-то упал, некоторые метнулись в стороны.

– Бинокль! – крикнул я Кузнецову. Но он уже сам торопливо достает бинокль из футляра.

– Здорово накрыл, Василий Васильевич! – кричит Кузнецов.

Он, не отрываясь, наблюдает за окраиной пос.. Круглов молча сжимает рукоятки пулемета. Огонь прекратил, ожидая новую цель. Теперь мы все, прижимаясь к брустверу, не отрываясь, наблюдаем за врагом. Фашисты, укрываясь за строениями, залегли вдоль окраины поселка, у станции и по опушке редкого леса левее. Частый огонь винтовок, очереди автоматов и пулеметов, то ослабевая, то разгораясь, как бы предвещают решительный момент атаки врага. Над окопом часто свистят пули, щелкают отрубленные ими ветки деревьев. Снаряды рвутся теперь чаще, правее нас.

Но вот видно, как со стороны дороги на Виняголово один за другим подходят танки. Один, второй, вот еще два. Перед станцией дорога изгибается, и танки, поворачивая, минуту двигаются боком к нам. И тут, один за другим, совсем близко за нами из рощи гремят два выстрела из наших полковых пушек. И еще два. Взвод лейтенанта Бахтеева ведет частый огонь. Головной танк резко, как бы воткнувшись во что-то, замирает на месте. Второй тоже останавливается, из него валит дым. Горит и деревянное здание станции, огонь перекидывается на соседние строения.

Внезапно перед нами встает цепь врага. Прильнув к пулемету, Круглов дает длинную очередь с рассеиванием. Справа вторит другой «максим», при нем и лейтенант Грибанов. Слева – короткие очереди автоматов и хлопки карабинов бойцов Кунгурова.

– Ленту, – хрипло кричит Круглов, и я уже вставляю конец другой ленты в приемник.

– Снаряжай! – Я одной рукой бросаю израсходованную ленту Кузнецову, и он, торопясь, начинает вытаскивать из гнезд пустые гильзы. У нас есть еще в запасе снаряженные ленты. Мокроусов лежа подвигает мне коробки.

Цепь врага редеет, но приближается. Весь в напряжении, вижу и чувствую только одно – как вскакивают и перебегают, стреляя на ходу, все ближе к нам враги. Машинально подаю Круглову конец новой ленты, поддерживаю ее. До насыпи немцам остается не более 300 м, но все чаще и чаще падают и не встают солдаты в цепи. И вот оставшиеся уже залегли, а потом поодиночке и группами под шквальным огнем с насыпи, цепляясь за каждую кочку, начали отползать назад, оставляя на земле все больше и больше неподвижных фигур.

– Давай воду, – сказал Круглов, прекратив огонь.

Мокроусов вытащил из ниши и подтянул к нам бачок. Открыв пробку кожуха, мы с Кругловым начали лить в паривщее отверстие воду.

Бой не затихал. Теперь автоматы и пулеметы с новой силой рокотали правее нас. Частая стрельба все слышнее была и у разъезда Жарок, приближаясь к нам слева.

– Со всех сторон жмет, – прислушиваясь, сказал Кузнецов. Но ему никто не ответил. Я осмотрелся кругом. Справа, по мелкому кустарнику, двое бойцов на плащ-палатке волокли раненого. Дальше полз еще один, с окровавленной, забинтованной до колена ногой без сапога. С насыпи к нам подполз смуглый боец, потный и грязный, гимнастерка его была расстегнута .

– Давайте отходить, пулеметчики! – крикнул он. Вы нас прикройте огнем, пока мы от дамбы оторвемся.

– А кто сказал отходить? – спросил я.

– Ты кто такой? – добавил Круглов.

– Чего, кто сказал, – зло ответил смуглый боец и махнул рукой вправо, где совсем близко слышалась стрельба.

– Никуда не пойдем, будем держаться, – жестко сказал Круглов. – И ты не паникуй! Пошли лучше человек пять своих влево, фланг прикрой.

Твердый тон Круглова подействовал. Смуглый не торопился уходить от нас и, лежа на скате насыпи, с тревогой прислушивался к стрельбе, которая, как казалось, доносилась со всех сторон. По кустам к нам подбежал лейтенант Грибанов, спрыгнул в окоп.

– Все целы? – спросил он, оглянув нас. Вот что. Немцы прорвались справа, на стыке с Дворцовым, сам он ранен. Капитан Попов

приказал держаться здесь. И ни шагу! Он свой резерв развернул вправо.

Я с расчетами Глухова и Березина перехожу на запасные позиции, вон на ту опушку. Мы должны огнем отсечь немцев, если они вздумают ударить в тыл Попову. Вам оставаться тут и не давать им подняться от поселка. Ясно?

– Товарищ лейтенант, а артиллеристы оттянулись в тыл? – спросил Кузнецов.

– Ничего не оттянулись. Орудия Бахтеева на прежнем месте, – ответил Грибанов и, как бы в подтверждение его слов, сзади почти одновременно грохнули наши пушки и сразу же два разрыва их снарядов мы увидели вблизи горящего дома на окраине поселка. Теперь снова стали заметны перебегающие в нашу сторону группы вражеских солдат. Правее нас, у дороги на Оломну вспыхнула ожесточенная стрельба, бухали взрывы ручных гранат.

– Что-то там сильно завязалось, – сказал лейтенант, прислушиваясь. – Пойду к тем расчетам. Поступит какой приказ – пришлю связного. Да, Круглов, в случае чего – за меня Березин, сержант Березин.

* * *

Враг снова атакует занятый нами участок железнодорожной насыпи. Методично делая перебежки и залегая группами и по одному, фашисты рассчитывают, по-видимому, достичь неглубокого оврага, что тянется перед полотном метрах в ста пятидесяти, а оттуда броском выбить нас с насыпи.

Несмотря на то что один за другим остаются на земле неподвижные вражеские солдаты, атакующие с каждой перебежкой приближаются к нам. Правее нас фашистам удалось вклиниться в оборону полка. Слева от разъезда тоже все ближе слышна ожесточенная стрельба.

Измотанные, обессиленные, мы видим подступающего врага. По его цепи бьют осколочными снарядами орудия Бахтеева. Мы больше не подсказываем цели Круглову. Весь слившись с пулеметом, он ловит в прицел каждую поднявшуюся для перебежки группу немцев и выпускает в нее очередь.

Все ближе фашистские солдаты. Некоторые уже ползут к оврагу. Свистят и рвутся вблизи нашего окопа снаряды. Вихрь земли и дым на мгновение ослепляют нас. Кажется, теперь все. Минуту не вижу, только чувствую рядом товарищей.

– Гранаты готовь, ребята! – кричит Круглов. Но тут новый взрыв засыпает всех песком. Впечатление такое, что наш окоп рухнул. Круглов резко отваливается от пулемета. Каска упала с головы, по лбу растекается кровь. Я растерянно смотрю на него. Круглов привстает, кричит мне:

– Ложись за пулемет!

Впереди поднялись для последнего броска враги. Заняв место Круглова и, едва прицелясь, даю длинную очередь, еще и еще. В минуту поредевшая вражеская цепь откатывается к оврагу. Серыми пятнами лежат на траве неподвижные фигуры врагов. Видно, как некоторые пытаются и не могут уползти.

Атака отбита. Теперь расчетливо, короткими очередями бью по отползающим немцам. На секунду оглядываюсь. Неестественно закинув руку, лицом вверх лежит на краю окопа Мокроусов. Лицо его залито кровью, на гимнастерке тоже расплывается багровое пятно. Кузнецов дрожащими руками неумело обматывает голову сидящего Круглова.

– Документы его возьми, – говорит Кузнецову Круглов. – А медальон оставь при нем.

Смеркается. Огонь противника постепенно затихает, но иногда стрельба вновь вспыхивает, разгорается. И теперь не только на нашем участке, но где-то далеко правее и сзади нас. Мы понимаем, что немногие подразделения удержали свой рубеж на насыпи, главные силы ведут бой с прорвавшимся противником в лесу, в глубине обороны полка. Круглов потрогал повязку на голове, приподнялся.

– Эх, Гриша! – горестно сказал он, нагнувшись к Мокроусову. Минуту смотрел на убитого, стал осторожно приподнимать за плечи. – Помоги, – коротко бросил Кузнецову. Они вместе вытащили Мокроусова из окопа и положили его за насыпью у куста. Потом Круглов занял рядом со мной место второго номера.

– Тебе на медпункт добираться надо, – сказал я.

– А вас тут вдвоем бросить? Да и где искать в темноте медпункт? Подожду, вроде неглубоко стукнуло.

Зарево пожара теперь полыхало над поселком. Там, где несколько часов назад были дома, теперь дотлевали дымящиеся груды. Временами снопы искр взметывались вверх и растворялись в темноте. В лесу теперь изредка рвались снаряды. Со стороны немцев взлетали и медленно падали ракеты.

Сзади из темноты вынырнул человек, начал карабкаться по насыпи. Мы узнали Инютина, бойца из расчета сержанта Березина.

– Вот черт, еле сыскал, – переводя дыхание, сказал Инютин и быстро пригнулся: над окопом просвистела трассирующая очередь. – Лейтенант Грибанов передает приказание капитана: вам вместе с третьим взводом отойти на просеку, с полкилометра отсюда. Там Попов собирает всех. Лесом будут отходить к развилке перед бараками. Полк закрепляется там.

– А ты из взвода Кунгурова?

– Он у них за командира, – пояснил Круглов.

– Я поведу вас. Там с капитаном и наш лейтенант Грибанов, собирает расчеты. Только тихо снимайтесь, понятно?

Василевич ушел собирать своих людей. Мы с Кругловым стали снимать пулемет. Решили не разбирать его, тащить на катках. Мы вылезли из окопа, спустились с насыпи к черневшим кустам, где лежал наш четвертый товарищ. Мы оставляли его одного. Молча сняли каски. Постояли с минуту.

– Пошли, – сказал Круглов, тронув пулемет.

За нами цепочкой потянулись бойцы. Изредка щелкали по веткам пули. Беспорядочно, вразброс гулко рвались в лесу снаряды.

Медленно шагая, я почувствовал, как смертельно устал, как напряжены нервы. И в то же время чувствовал, что я уже не тот, что был вчера. Я как бы был обожжен в каком-то огне и теперь могу спокойно встретить и испытать не раз то, что пережил сегодня.

Впереди изредка взлетала и падала ракета. Коротко, как бы спросонья, выстукивали автоматные очереди. Там – боевое охранение. А еще дальше мерцали вспышки затухающего пожара над Погостьем.

Это был первый бой за эту железнодорожную станцию и поселок. Это был и мой первый бой.

* * *

Трижды переходило из рук в руки Погостье в 1941 году. Ареной жесточайших боев стала эта разрушенная станция в начале 1942 года. Четыре месяца, вплоть до весенней распутицы, наши войска атаковали врага, пытаясь пробиться на запад, к Любани. Трижды автору этих строк пришлось биться за Погостье.

По-разному сложилась судьба тех, с кем участвовал в первом своем бою. Ефрейтор В. Круглов погиб в бою при обороне плацдарма, захваченного зимой 1941 года на Волхове. Ф. Кузнецов попал в другой полк. Политрук Антонов был смертельно ранен во время нашей контратаки юго-западнее Будогощи 22 октября 1941 года. Лейтенант Грибанов весной следующего года был откомандирован в военную академию. Ф. Попов после войны в звании полковника вышел в отставку и уехал жить в Ростов-на-Дону.

...Мирные поезда идут сегодня мимо Погостья. С нефтью, бензином, с мазутом, песком для киришских строек из Малуксинского карьера. Пригородные и дальние пассажирские. И когда бы ты ни ехал мимо этой станции, днем или ночью, встань и подойди к окну, посмотри кругом и подумай. Здесь земля пропитана кровью. Здесь отдали свои жизни за то, чтобы ты жил сегодня, тысячи молодых, простых и великих парней. Вечная им слава!

С. Ф. СИВИЦКИЙ,

генерал-майор, в 1941 году – рядовой 109-го полка 27-й кавалерийской дивизии

Это было под Пчевой

310-я ордена Ленина Краснознаменная Новгородская стрелковая дивизия в конце октября 1941 года из-под Ленинграда была переброшена в Киришский район и вела оборонительные бои на р. Черная, в районе Пчевы и Городища. В 1942 году полки дивизии сражались на Киришском плацдарме против врага, в районе пос. Добровольный.

В середине октября 1941 года противник начал наступление в направлении Тихвина и Волхова. 310-я стрелковая дивизия получила приказ сосредоточиться в районе ж/д станции Глажево, куда она прибыла по железной дороге 26 октября, поступив в подчинение командующего 4-й армии. Дивизии предстояло совершить марш и занять оборону по берегу р. Черная от ее устья до деревни Дуняково.

После трудного перехода, уставшие от марша и бессонницы, воины дивизии приступили к подготовке оборонительного рубежа. Не успели окопаться, как появились вражеские части, которые в ряде мест форсировали р. Черная. Завязались исключительно упорные бои. Враг во много раз превосходил в живой силе и боевой технике. Ведь наша дивизия после ожесточенных боев в сентябре в районе Апраксин Городок–Гайтолово, Гонтовая Липка и Тортолово имела большой недокомплект.

29 октября я направился в 1084-й полк, где встретился с его командиром майором А. Юртовым и комиссаром А. Зеленским. Они сидели в блиндаже за столом и внимательно изучали по карте район предстоящих боев. Зазуммерил телефон. Взяв трубку, Юртов внимательно выслушал приказ командира дивизии полковника Замировского. Немного помолчав, Юртов сообщил, что приказано выбить немцев из Пчевы.

После подготовки полк перешел в атаку. Первым поднялся батальон, которым командовал лейтенант Сафонов. Его дружно поддержали другие подразделения полка. После короткого ожесточенного боя фашисты были выбиты из Пчевы.

Противник вскоре перешел в контратаку. Бойцы полка отразили ее с большими потерями для врага.

Не утихал бой и на участке, где оборонялся 1028-й стрелковый полк. Когда я встретился с командиром полка Михайловым, он попросил написать в газете об отваге командира отделения Федора Шпилько.

– Настоящий герой, – продолжал Михайлов. – Минувшей ночью он и бойцы Шкитин, Давыденко, Бахарев и Колунин (все земляки из Казахстана – акмолинцы) пробрались в расположение врага, где встретились с пятью немцами. В результате схватки три гитлеровца были убиты, два взяты в плен. Наши все живы и здоровы.

Бои на р. Черная не утихали. Враг стремился прорваться в северном направлении. Особенно упорные бои шли в районе Пчевы. Противник повторял одну за другой атаки, пытаясь выбить полк из этого населенного пункта. Но все атаки его успешно отбивались.

Обстановка в полосе дивизии осложнилась. Вечером 2 ноября фашисты ворвались в дер. Рысино, где оборонялся приписанный дивизии саперный батальон. Полк Михайлова оказался в полуокружении. Создалась угроза штабу дивизии. Пришлось ему переместиться в с. Городище.

По приказу командира дивизии разведчики и воины 159-го понтонного батальона, приписанного дивизии, контратаковали немцев в Рысино и заняли южную окраину этой деревни.

Не утихали бои и на участке полка А. Юртова. Подтянув свежие силы, противник во второй половине дня 1 ноября перешел в атаку, стремясь выбить полк из Пчевы. В полночь к комиссару дивизии С. Шаманину буквально ввалился красноармеец Звенигородский. Он доложил, что принес донесение от комиссара полка А. Зеленского. В политдонесении указывалось, что в полку в строю осталось не больше роты, село атакуют большие силы врага. Просил оказать помощь. Без нее полк не устоит.

Прочитав донесение, комиссар дивизии связался с командиром и комиссаром полка по рации: «Держитесь! Обстановка и на других участках других полков тоже трудная».

До утра из Пчевы доносился сильный шум боя. А затем в 9 часов утра все стихло...

В штаб дивизии дошла небольшая группа бойцов из полка А. Юртова. Среди них не было ни командира полка, ни комиссара, ни начальника штаба. Из рассказов уцелевших узнали подробности пчевской трагедии. Вот что там произошло.

Вечером, перед закатом солнца, над селом появились два десятка «юнкерсов». Они сбросили на позиции полка больше сотни бомб. Затем на село обрушился артиллерийский и минометный огонь, в атаку пошла пехота врага.

Среди бойцов то тут, то там появлялся комиссар А.Зеленский. Он призывал бойцов стойко удерживать позиции. Фашисты продолжали наседать, все ближе и ближе подбирались в нашим окопам. Противник был отброшен. Но вскоре он снова приблизился к позиции, где с группой бойцов и командиров находился Зеленский. Еще дважды комиссар поднимал воинов в контратаку. В одной из схваток Зеленский был ранен в руку. Боец втащил его в дом и стал перевязывать рану. Дом окружили фашисты. Комиссар стал отстреливаться, но вторично был ранен тяжело. В дом ворвались гитлеровцы. Они зверски расправились с ним.

Не менее жаркий бой разгорелся возле правления колхоза на центральной площади села. Здесь среди бойцов взвода лейтенанта Халюзова сражался командир полка майор Юртов. Он, как и все, был одет в полушубок. В разгар схватки, чтобы свободнее действовать, он сбросил полушубок и тем обнаружил себя. На его гимнастерке немцы увидели командирские знаки отличия. Фашисты решили взять его живьем. Юртов был тяжело ранен. Его пытался спасти лейтенант Халюзов, но и его грудь была прошита автоматной очередью.

Потеряв командира, бойцы забаррикадировались в доме правления колхоза. Там они дрались до последнего вздоха.

Героической смертью погиб и начальник штаба полка Садык Джумбаев. С горсткой бойцов он окопался на одном из подворий и оттуда вел огонь из пулемета. Долго немцам не удавалось прорваться на центральную площадь. От огня пулемета погибло много врагов. Озверелые гитлеровцы обрушили на дом огонь из минометов. Осколками мины были раздроблены ноги Джумбаева. Истекая кровью, начальник штаба продолжал стрелять. Кончились патроны в пулеметной ленте. Садык достал из кобуры пистолет и застрелился.

Память об отваге и мужестве воинов 1084-го полка 310-й стрелковой дивизии навсегда сохранится в наших сердцах.

Через полтора месяца враг был разгромлен и изгнан из Пчевы.

А. КОНДРАТСКИЙ,

военный корреспондент, бывший сотрудник газеты 310-й стрелковой дивизии

Возмездие

После разгрома немцев под Тихвином 7-й гвардейская танковая бригада во взаимодействии с другими дивизиями начала преследовать отходящего противника.

Примерно в двадцатых числах декабря 1941 года бригада уже вела ожесточенные бои на киришской земле. Сводный отряд танков 1-го батальона на рассвете атаковал дер. Витку. Противник понес потери, в панике отступил. В этом бою особенно отличились экипаж танка лейтенанта Н. Рублева, уничтоживший два орудия, и экипаж танка лейтенанта И. Дзонилидзе, который гусеницами раздавил минометную батарею врага.

Предстояло наступать на Пчеву. По рассказам бойцов стрелковых подразделений, нам, танкистам, было известно о трагедии, разыгравшейся в этом селе в ноябре, когда гитлеровцам удалось окружить 1084-й стрелковый полк 310-й дивизии и почти полностью уничтожить его. У нас было большое желание отомстить фашистам за наших воинов, павших смертью храбрых. Противник Пчеву сильно укрепил, оборудовал дзоты, подготовил позиции для артиллерии и минометов.

Командир нашей бригады Герой Советского Союза генерал-майор В. А. Копцов принял решение – атаковать противника внезапно, застать его врасплох. Танкисты роты Ф. Семенного и роты И. Дзонилидзе атаковали вражеские позиции с ходу, преодолели сильный огонь и ворвались на улицы Пчевы.

Вновь отличились танкисты взвода лейтенанта Н. Рублева. Стремительной атакой они уничтожили несколько огневых точек врага, превратили в груду металлолома немало автомобилей. Экипаж танка старшины Осмолова прорвался в глубину обороны противника и раздавил противотанковое орудие, истребив его расчет. Большое личное мужество проявил старший политрук Белый. Он находился среди бойцов, атаковавших позиции противника, участвовал в подрыве двух вражеских дзотов.

Противник в короткой схватке потерял более полусотни солдат и офицеров и разрозненными группами, бросая тяжелое вооружение, отошел на западный берег реки Волхов.

Сводный отряд легких танков Т-26 под командованием майора Маркова преследовал отходящего противника и внезапным ударом сбил его с железнодорожной станции Андреево. На станции отряд захватил вагоны с артиллерийскими снарядами, различным военным снаряжением и награбленным у населения имуществом.

Танкисты отомстили за смерть воинов 1084-го полка.

В боях севернее Киришей многие танкисты нашей бригады показали умение бить врага. Лейтенант Олейник под сильным огнем вытащил из расположения немцев подбитую боевую машину, чем спас от гибели ее экипаж. Затем он более двух часов вел бой с подошедшими гитлеровцами, поддержал атаку стрелкового подразделения.

Хорошо маневрируя на поле боя, экипажи танков лейтенантов Слютова и Ларина уничтожили по несколько вражеских огневых точек, истребив не один десяток вражеских солдат и офицеров.

Тонкий лед на р. Волхов не позволил тогда переправить на западный берег тяжелые танки, а противник подтянул свежие силы, в том числе и значительное количество артиллерии. Чтобы избежать ненужных потерь, было приказано танкистам отойти на восточный берег Волхова. Несколько часов взвод танков лейтенанта Рублева сдерживал натиск фашистов, обеспечив вывоз со станции всех ценных трофеев.

Ю. С. ПОГРЕБОВ,

майор, в 1941 году – командир танкового взвода 7-й гвардейской танковой бригады

Герои уходят в бессмертие

Рота старшего лейтенанта Панина поднялась в атаку. Фашисты открыли ураганный огонь. Бойцы залегли. И вдруг звонкий девичий голос заглушил грохот снарядов:

– Рота, за мной! Вперед!

Это был голос Тоси Михеевой, которая подняла бойцов в атаку и шла впереди всех, буквально на огонь врага. Рота выбила противника, заняла важный рубеж...

А Тося лежала на земле, истекая кровью. Ее вынесли с поля боя, эвакуировали в медсанбат, потом в госпиталь. Мы все надеялись: крепкая, с огромной волей к жизни. А вот не выжила. Осталась навеки лежать в опаленной киришской земле...

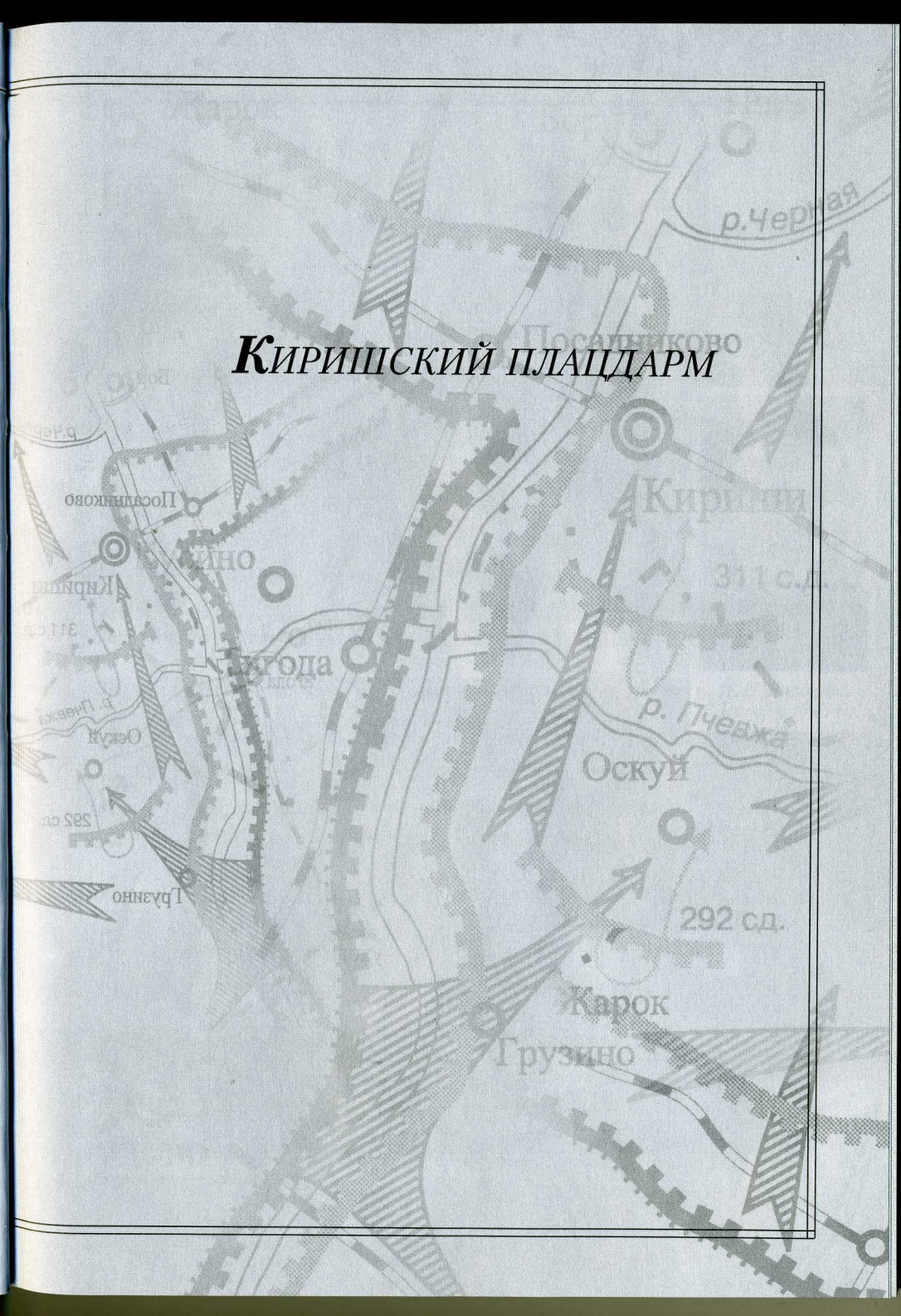
Боевая биография Тоси началась в тяжелом 1942 году. Ей еще и 18 не было. Сначала была санитаркой. Она спасла жизнь многим бойцам. Потом узнала, что на фронте будут готовить снайперов. Помню, сколько радости было в ее глазах, когда нас зачислили на снайперские курсы!..

Однажды Тося не пришла с боевого задания. Ее, окровавленную, подруги принесли на руках. Разрывная пуля вражеского снайпера ударила ей в лицо. Тосю отправили в госпиталь, она поправилась. Но со снайперской винтовкой пришлось расстаться. Михеева пошла в пулеметчицы. И вот последний бой, с которого я начала свой рассказ о боевой подруге...

Тося Михеева погибла за Ленинград, как и многие герои войны, она заслужила право на бессмертие.

М. САФОНОВА,

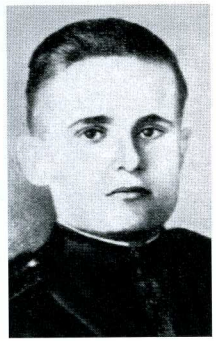
в 1941–1943 годах – снайпер 305-го полка 44-й стрелковой дивизии

Киришский плацдарм

Пулеметчики меняют позицию

И. П. Гончаров. Погиб в 1945 г.

Группа руководящих офицеров

Медсанбат

Т. П. Котенева. Сандружинница 25-го стрелкового полка

Разборка трофейного пулемета

Зенитчики ведут огонь по вражеским самолетам

В. А. Богданова. Секретарь Киришского райкома

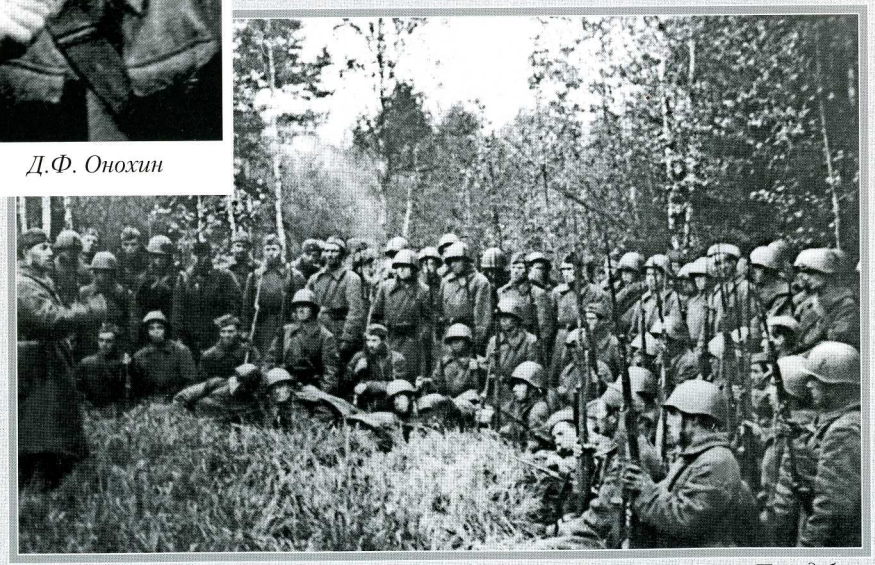
Чистка орудия

Бои под Погостьем

Д.Ф. Онохин

Перед боем

Момент боя

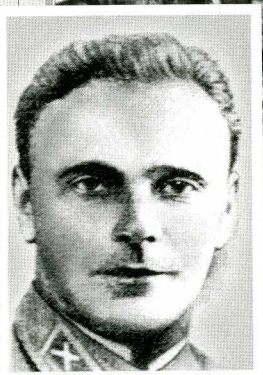
И. С. Школьников. Начальник артиллерийского вооружения

Деревня Кириши

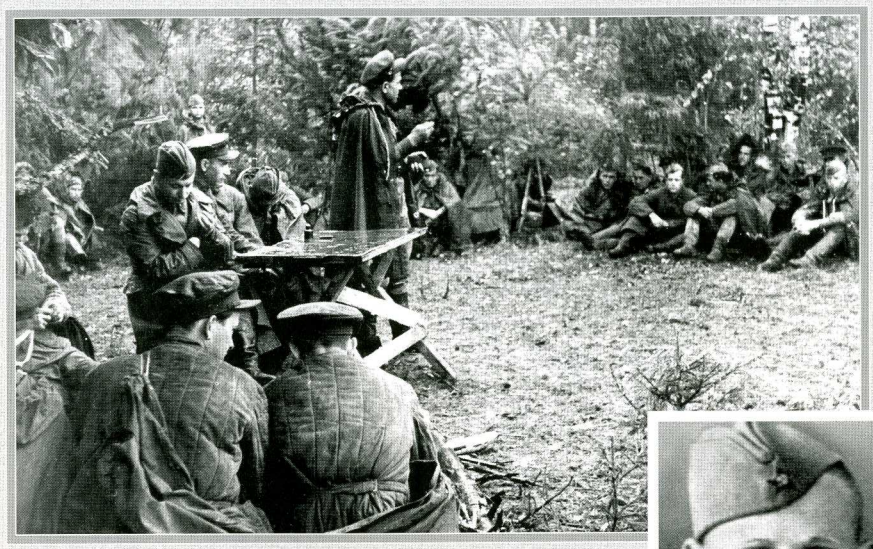
Полк получает боевую задачу

И. И. Лукьянчиков.
Начальник разведки

Твердое слово командира

Политинформация в 1-м стрелковом полку

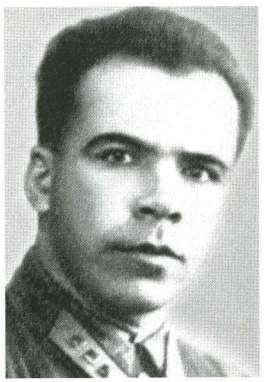

П. А. Кривенко.
Погиб в 1941 г.

В атаку!

М. А. Нечаев. Командир истребительного батальона

Все что осталось от села Сольцы

Переправа

А. Д. Сурнина. Секретарь комитета ВКП (б)

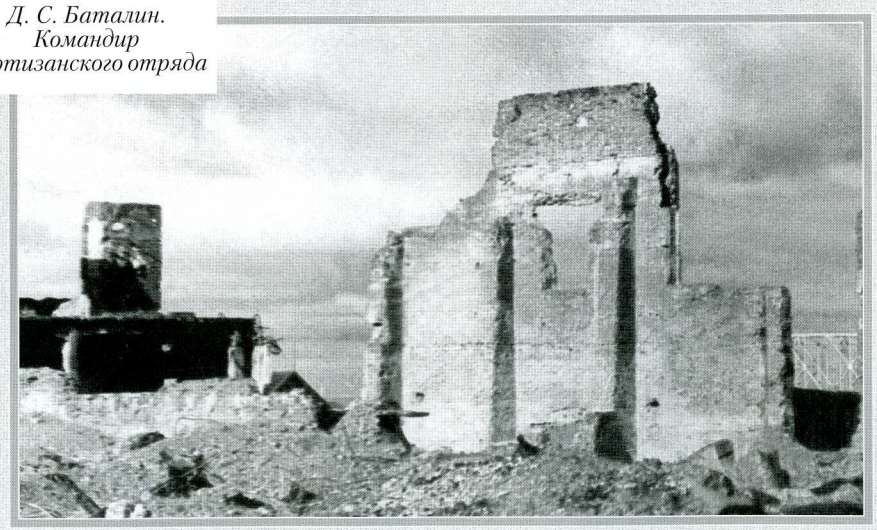
В атаке

Огонь с плотов. Рис. Н. Дулов

Д. С. Баталин.
Командир
партизанского отряда

Развалины

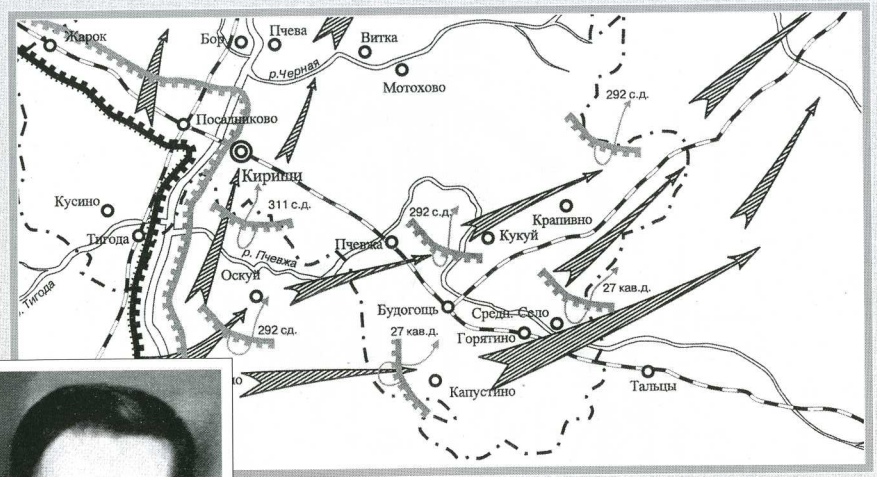
10 000 крестов оставили немцы

Г. И. Пискарев.
Командир
разведгруппы

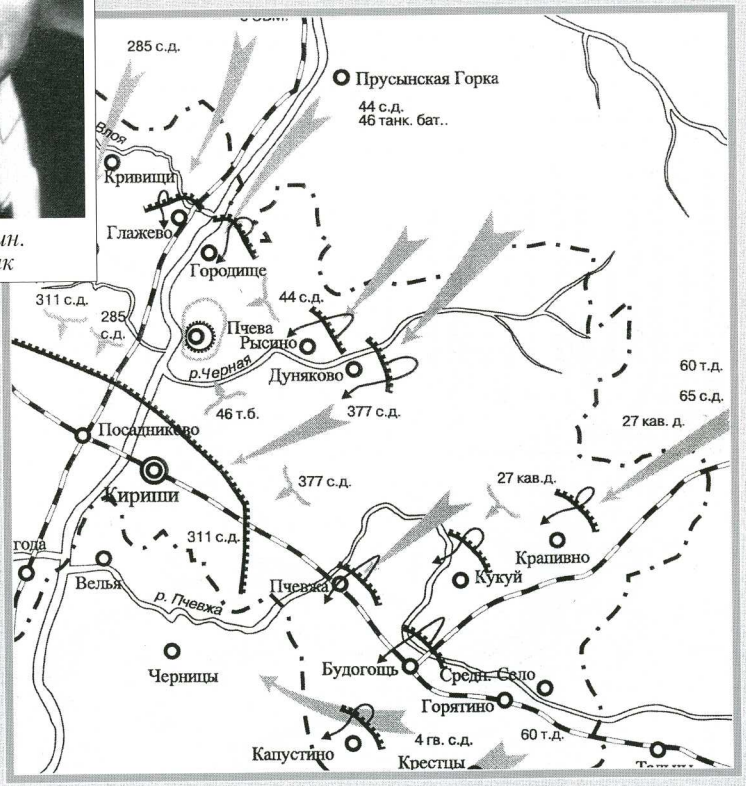
«Стена» в болотах под Киришами. Рис. Н. Дулов

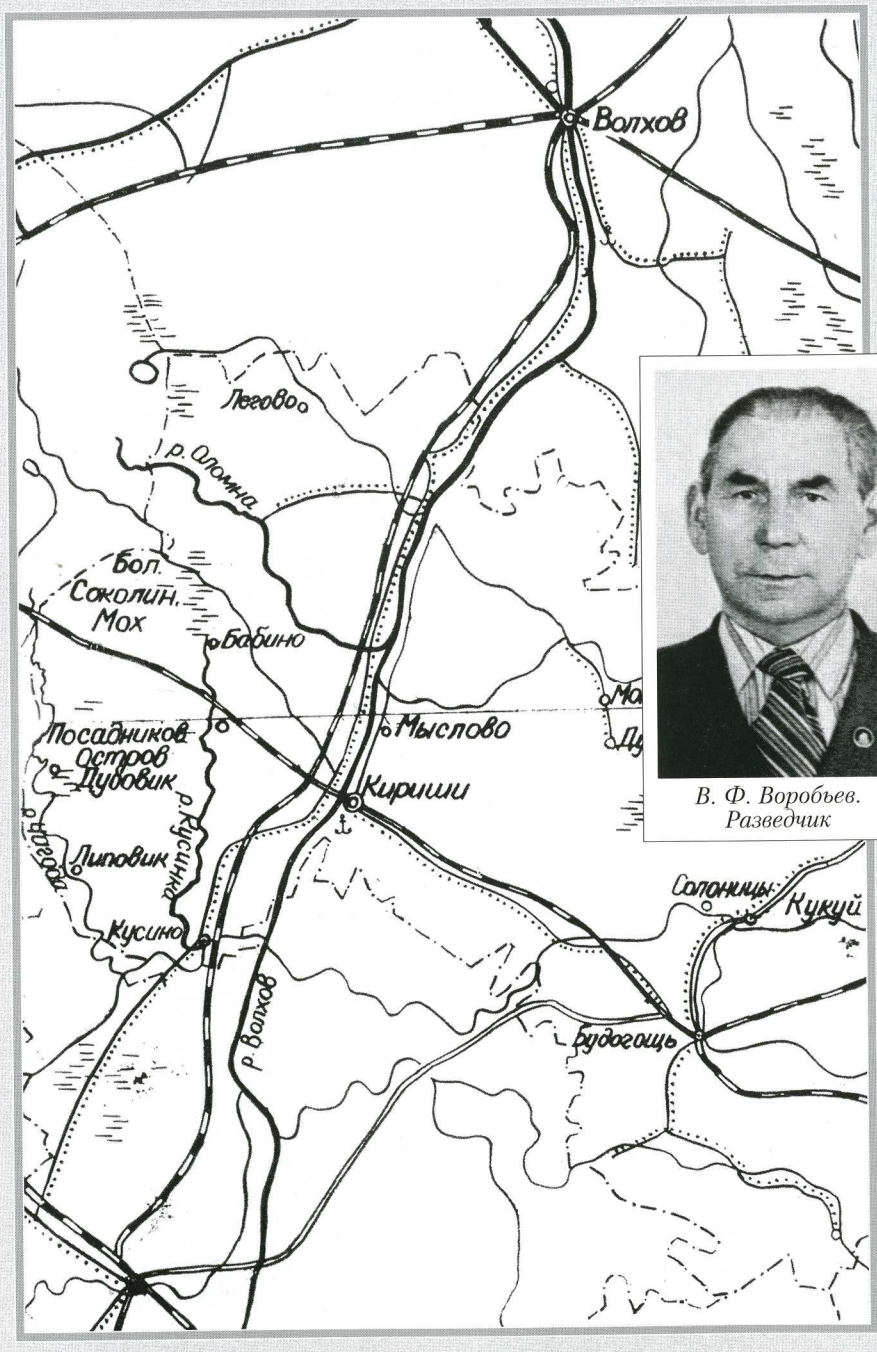

А. А. Лукин. Разведчик

Карты боевых действий

В. Ф. Воробьев. Разведчик

На первых стройплощадках Киришей

И. Н. Аказин. Командир партизанского отряда

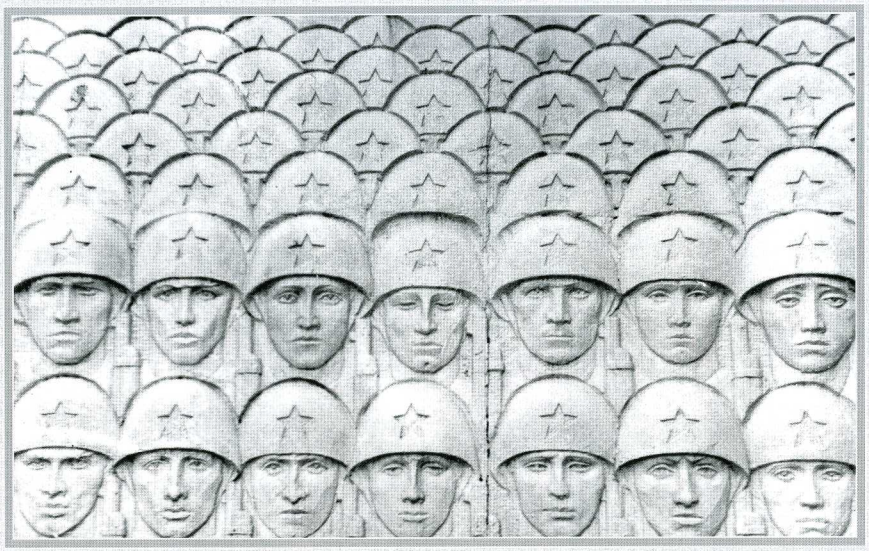

В. М. Плякин

В этом сборнике использованы снимки из коллекции В. М. Плякина, отражающие боевые действия на территории Киришского района в 1941–1943 годах

Город на поле боя

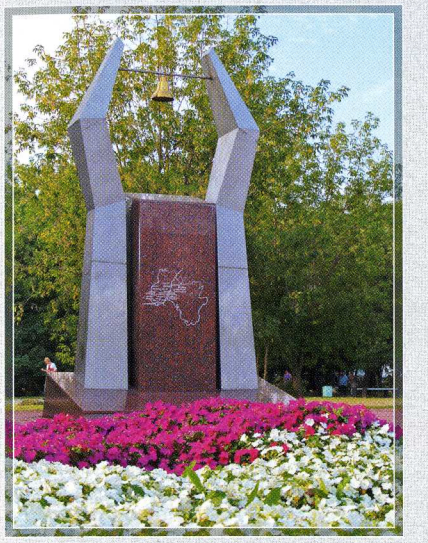

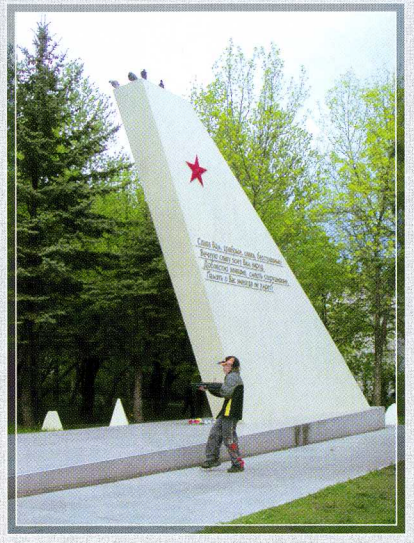

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ
В АФГАНИСТАНЕ
И ЧЕЧНЕ

НЕ ПЛАЧЬТЕ!
В ГОРЛЕ СЛЕЗУ

ЗАЩИТНИКАМ
КИРОВСКОЙ ЗЕМЛИ

МЕЧТУ ПРОН
ЧЕРЕ
Й ЖИЗНЬЮ НАПО
О ТЕХ
ОМНИТЕ!

ЗАЩИТНИКАМ
КИРИШСКОЙ ЗЕМЛИ

ТРАНСПОРТ

Киришская ГРЭС

КИРИШИ

